

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ И ФУНКЦИИ В НЕФЛЕКТИВНЫХ ЯЗЫКАХ

УДК 811.512.133'36:612.825.249

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ГЛАГОЛОВ ПРИ АГРАММАТИЧЕСКОЙ АФАЗИИ (на примере узбекского языка)

И.А. Азимова

Национальный университет Узбекистана
ул. Университета, 4, Ташкент, Узбекистан, 100174
iazimova@gmail.com

В статье анализируется выражение глаголов в спонтанной речи лиц с аграмматической афазией. Это проблема впервые исследуется на материале узбекского языка. Исследование проведено на основании эксперимента, в котором участвовали две группы испытуемых: первая группа — взрослые с афазией, вторая группа — взрослые без речевой патологии. Анализ материалов эксперимента показывает, что в данном виде афазии в узбекском языке нет диссоциации глагола и существительного. Это объясняется сложным морфологическим строем глаголов в узбекском языке. Однако, дефицит, связанный с глаголом наблюдается в употреблении вспомогательных глаголов и функциональных форм глагола. В спонтанной речи лиц с афазией вспомогательные глаголы отсутствуют, а функциональные формы глагола значительно меньше, чем в спонтанной речи участников без речевой патологии. Нарушения данных форм глагола основываются на сложность когнитивного механизма их употребления.

Ключевые слова: афазия, глагол, вспомогательные глаголы, причастие, деепричастие, воспроизведение речи.

ВВЕДЕНИЕ

Термин «аграмматический» впервые был использован в 1887 г. Адольфом Куссмаулом (Adolf Kussmaul) и означал неумение воспроизводить грамматическую форму слов, также неумение воспроизводить синтаксически упорядоченное предложение. Позже этот термин был употреблен Харольдом Гудгласом, обозначая опускание вспомогательных слов, вспомогательных глаголов и морфемы спряжения и склонения [5]. Данный вид патологии речи А.Р. Лурия назвал «эфферентно-моторной афазией» [3. С. 77—87].

Речевые ошибки в аграмматической афазии имеют несистемный характер. Как показали исследования, людям с аграмматической афазией легче воспроизводить существительные, чем глаголы; в свою очередь неопределенная форма глагола — инфинитив часто заменяет формы финитного глагола и т.д. [8]. Поэтому при аграмматической афазии глаголы считаются наиболее уязвимым звеном вос-

произведения в речи. Одни исследователи считают, что это связано с основными когнитивными универсалиями, т.е. с тем, что существительные — это объекты, а глаголы — это действия [6]; другие же полагают, что в основе диссоциации существительного и глагола лежат их семантические особенности: существительные имеют опорные сенсорно-визуальные свойства, тогда как глаголы — функциональные свойства.

Такое различие в семантических особенностях существительного и глагола влияет на уровень представления их в сознании (*imageability*). Представить понятие, выраженное глаголом, труднее, чем представить понятие, выраженное именем [7], потому восприятие и понимание, а также воспроизведение существительных гораздо легче, чем глаголов.

Проанализируем передачу глаголов в условиях аграмматической афазии для узбекского языка. Узбекский язык, принадлежа к тюркским языкам, является агглютинативным языком суффиксальной структуры. В силу этого один узбекский глагол может иметь огромное количество форм [1]. Эти свойства узбекского языка делает его «привлекательным» для нейролингвистического исследования, тем более что большинство исследований по афазии было сделано на материале языков более простой морфологической структуры.

Был проведен эксперимент, в котором участвовали два человека с аграмматической афазией — женщина 53 лет и мужчина 69 лет — и десять человек без речевой патологии: 6 женщин, 4 мужчины, средний возраст которых — 50 лет. Для всех участников эксперимента узбекский язык родной. Чтобы стимулировать спонтанную речь, участникам задавали вопросы. Беседы записывались на диктофон, затем аудиозаписи переводились в текстовую форму. Мы сравнили речь лиц с аграмматической афазией с речью лиц без речевой патологии по следующим параметрам: количество глаголов, количество существительных, количество функциональных форм глагола, количество вспомогательных глаголов. Когда по данным параметрам показатель для лиц с афазией совпадает с показателем контрольной группы участников, у которых нет речевой патологии, это принималось за норму. Когда же показатели для лиц с афазией были ниже в два или более раз, чем показатели контрольной группы, это означает, что нейрокогнитивный механизм употребления глагольных форм в речи нарушен (табл. 1).

Таблица 1

Количественные показатели эксперимента по выбранным параметрам

Параметры	Участники с аграмматической афазией			Участники без речевой патологии	
	НК*	МО	Среднее число	Интервал показателей	Среднее число
Существительные	57	68	62,5	36—80	53,2
Глаголы	39	32	35,5	25—59	46,5
Функциональные формы глагола	2	7	4,5	10—25	16,7
Вспомогательные глаголы	0	0	0	1—13	6,7

* В целях сохранения анонимности участников в описании результатов эксперимента даются только их инициалы.

Анализ спонтанной речи лиц с аграмматической афазией показал, что в узбекском языке в отличие от флективных языков, таких как английский, немецкий, голландский, нет диссоциации глагола и существительного: обе части речи сохранены в пределах нормы. Такой же показатель существует и в других агглютинативных языках со сложной морфологической структурой. Суахило-английские билингвы, имеющие аграмматическую афазию, в спонтанной речи на языке суахили употребляли 57% правильных спрягаемых форм глаголов, а в английском этот показатель 35% [4]. Так, согласно М. Горал, в афазии сложная агглютинативная морфологическая структура воспроизводится регулярнее, чем более простая флективная морфологическая структура, потому что агглютинативные аффиксы однозначны и соединяются с корнем по строгим определенным правилам. Именно эти свойства агглютинативных языков со сложной морфологической структурой помогают им лучше сохраняться в случае афазии [4].

Известно, что в узбекском языке глаголы непосредственно соединяются со сложной комбинацией аффиксов. Самый простой вариант конструкции — это **глагол + аффикс со значением времени + аффикс со значением лица**: *бор-а-ман*: ‘я пойду/поеду’. Залог, отрицание и другие глагольные значения тоже выражаются путем аффиксации. Даже если одна форма из сотни будет употребляться в речи, это означает, что каждый узбекоговорящий употребляет до 100 форм одного глагола. По нашему мнению, регулярное использование сложных комбинаций аффиксов способствует укреплению нейропсихологической репрезентации языковых форм в сознании носителя языка. Отметим, что результаты эксперименты такого рода носят предварительный характер.

НАРУШЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Нарушение использования модальных глаголов при аграмматической афазии наблюдаются и на материале других языков [10; 11]. Например, М. Санчес, обобщая работы на материале английского и голландского языков, отмечает, что вспомогательные глаголы опускаются чаще, чем смысловые (акциональные) глаголы. Она объясняет это различием в семантических и фонологических особенностях смысловых и вспомогательных глаголов. Известно, что в узбекском языке и в тюркских языках в целом отсутствуют различия между вспомогательными и смысловыми глаголами [2. С. 77].

Чтобы использовать вспомогательный глагол, в узбекском языке необходимо выполнить следующие задачи: 1) извлечь смысловой глагол, обозначающий само действие; 2) извлечь вспомогательный глагол, который обозначает образ действия; 3) определить время и субъект действия, т.е. проспрягать глагол и выбрать одну из его форм. Вспомогательные глаголы в узбекском языке связаны также с семантическим явлением — переносом значения. Смысловой глагол, который начинает выполнять функцию вспомогательного глагола, не теряет свое лексическое значение полностью: его определенная семантика сохраняется в выражении образа действия, хотя бы в виде деепричастия. Например, в сочетании *куйлай бошлади*

(‘начал петь’): *бошламоқ* (‘начать’) обозначает начальную стадию действия, в комбинации *ўқиб чиқди* (‘прочитал’) *чиқмоқ* (‘выйти’) обозначает завершенность действия, в комбинации *ўқиб туради* (‘он читает время от времени’) *турмоқ* (‘стоять’) обозначает повторяемость действия [там же].

В конструкции с вспомогательным глаголом именно вспомогательный глагол должен меняться и в синтаксическом плане (спрягаться), и в семантическом плане (перенос значения). Это означает интегрирование двух разных языковых уровней — лексического и синтаксического. Исследования, проведенные на материале турецкого языка, показали, что именно такая интеграция является трудной задачей для лиц с аграмматической афазией [12]. Они хорошо понимали предложения с привычным порядком слов, но ошибались в определении содержания предложения в форме страдательного залога. Во другом случае чтобы правильно понять предложение, необходимо было сочетать информацию о порядке слов предложения и с информацией об аффиксе страдательного залога [12]. Значит, именно эта задача интеграции информации из различных языковых уровней оказывается трудной для лиц с аграмматической афазией.

Основываясь на результатах проведенных экспериментов, Т. Ярбай Думан и ее соавторы выдвигают гипотезу проблемы интегрирования — The Integration Problem Hypothesis. Эта гипотеза нашла свое подтверждение и в работе, посвященной воспроизведению времени и аспекта в афазии на материале русского языка. Лица с афазией, участвовавшие в эксперименте, продемонстрировали затруднения интегрирования глагольного вида, который является семантической категорией в русском языке, с категорией времени, которая в этом языке является синтаксической категорией [9]. Полагаем, что нарушение использования вспомогательных глаголов в узбекской аграмматической речи можно объяснить гипотезой проблемы интегрирования, так как использование вспомогательных глаголов требует интегрировать информацию двух разных лингвистических уровней — лексического и синтаксического.

НАРУШЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА

Анализ спонтанной речи лиц с аграмматической афазией показал, что имеются нарушения в использовании деепричастия и причастия, но имя действия используется в пределах нормы. Среднее число употребления деепричастия у лиц с аграмматической афазией — 2, а у участников эксперимента без речевой патологии — 8,6. Исходя из этих данных делаем заключение, что в узбекской аграмматической афазии механизмы использования деепричастия и причастия нарушаются. Известно, что деепричастие и причастие выражают признак: первое выражает признак действия, а второе — признак предмета.

С одной стороны, можно считать, что нарушения механизмов использования этих функциональных форм глагола связано с особенностями выражения признака. Но, с другой стороны, деепричастие выражает не только признак: оно также выражает последовательность действий. Сравнение спонтанной речи лиц без речевой

патологии выявило, что в их речи преобладает именно этот тип деепричастия. В их речи деепричастие использовалось 86 раз, и 59 из них выражают последовательность действия. Например: *Икки минг учинчи йилда кейин шу оёгим билан озғриб, оёгим ишламай қолиб, больницага туидим* (букв.: В 2003 г. болела нога, нога не двигалась, и я попала в больницу).

В предложении использование деепричастия любого типа всегда требует еще одного финитного глагола. Даже если сравнение частоты использования глаголов в спонтанной речи двух групп участников не выявило разницы, результаты показали, что причиной 53% грамматических ошибок в речи лиц с афазией является пропуск глаголов в предложении. Поскольку употребление в речи деепричастия изначально подразумевает наличие минимум двух глагола в одном предложении, считаем, что нарушение механизма использования деепричастия в узбекской аграмматической афазии связано с нарушением использования глагола.

В употреблении причастия есть другая особенность. Анализ спонтанной речи лиц без речевой патологии показал, что 96% форм причастия являются субстантивными. Например: *МДСга оборгандан кейин МДС ҳеч нарса йўқ, деди-да, назначение берди* (букв.: После того, как повезли в МДС, МДС сказала, что ничего нет, и дал назначение); *Кейин озгина ўсиб чиққандан кейин икки-уч кундан кейин яна сув берилди қўллаиб* (букв.: После того, как вырастает, через 2—3 дня можно обильно орошать); *Шу уйларимизни битириб, ўлганларга атаб ис чиқарварими* (букв.: Закончить ремонт дома, потом сделать поминки, посвященные умершим); *Қизим ман кўрганларни кўрмасин, дейман* (букв.: Я не хочу, чтобы моя дочь пережила то, что пережила я).

Употребление причастия требует активизировать языковые единицы, принадлежащие с семантической точки зрения глаголу, с функциональной точки зрения — прилагательному и с грамматической точки зрения — существительному, при этом выразить все это в одном слове. Полагаем, что эта задача в силу своей сложности практически невыполнима для лиц с аграмматической афазией.

В отличие от деепричастия и причастия имя действия не требует многоуровневого подхода в употреблении. С другой стороны, имя действия обладает грамматическими особенностями существительного, части речи, которая при аграмматической афазии хорошо сохраняются по сравнению с остальными частями речи. Мы полагаем, что нормальному употреблению имени действия в грамматической речи способствует более простой механизм использования и грамматические особенности имени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ аграмматической спонтанной речи в узбекском языке показал, что использование форм глагола может соответствовать нормам языка и речи. Это отражается в употреблении правильных спрягаемых форм глаголов и их агглютинативной структурой в узбекском языке. Тем не менее, для лиц с аграмматической афазией отмечаются определенные трудности в употреблении вспомогательных глаголов и функциональных форм глагола, что объясняется сложностями когнитивного механизма их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Пўлатова И., Пўлатов А., Мўминова Т. (2003). Дунёвий ўзбек тили. Тошкент.
- [2] Фуломов А. (1954). Фель. Тошкент.
- [3] Лурия А.П. (2009). Основные проблемы нейролингвистики. Москва.
- [4] Abuom T.O. & Bastiaanse R. (2012). Characteristics of Swahili–English bilingual agrammatic spontaneous speech and the consequences for understanding agrammatic aphasia // *Journal of Neurolinguistics*. P. 1—18. doi: 10.1016/j.jneuroling.2012.02.003.
- [5] Agrammatism (2015). Available at <https://en.wikipedia.org/wiki/Agrammatism> (accessed 20 September, 2015).
- [6] Bak T.H., O'Donovan D.G., Xuereb J.H., Boniface S. & Hodges J.R. (2001). Selective impairment of verb processing associated with pathological changes in Brodmann areas 44 and 45 in the motor neurone disease-dementia-aphasia syndrome // *Brain*, 124 (Pt 1). P. 103—120.
- [7] Bird H., Howard D., & Franklin S. (2000). Why is a verb like an inanimate object? Grammatical category and semantic category deficits // *Brain and Language*. 72. P. 246—309.
- [8] Caramazza A. & Hillis A. (1991). Lexical organization of nouns and verbs in the brain // *Nature*. 349. P. 788—790.
- [9] Dragoy O., Bastiaanse R. (2013) Aspects of time: Time reference and aspect production in Russian aphasic speakers // *Journal of Neurolinguistics*. 26. P. 113—128.
- [10] Friedmann N. & Grodzinsky Y. (1997). Tense and agreement in agrammatic production: Pruning the syntactic tree // *Brain and Language*. 56. P. 397—425.
- [11] Sanchez M. (1999). Extended projections in agrammatism // *LINGUISTICA Atlantica* 21. P. 169—184.
- [12] Yarbay Duman T., Altinok N., Özgirgin N. & Bastiaanse, R. (2011). Sentence comprehension in Turkish Broca's aphasia: an integration problem // *Aphasiology*. 25. P. 908—926.

USAGE OF VERB FORMS UNDER AGRAMMATIC APHASIA (the example of Uzbek language)

I.A. Azimova

Uzbekistan National University
University str., 4, Tashkent, Uzbekistan, 100174
iazimova@gmail.com

This article analyzes verb usage in Uzbek agrammatic spontaneous speech. The current problem is explored in the sample of Uzbek for the first time. The work is based on the experiment, in which two groups of participants were included: brain-damaged individuals who have aphasia, and non-brain-damaged individuals without aphasia. The analysis showed that there is no noun-verb dissociation in Uzbek agrammatic aphasia. But verb impairment is reflected in poor modal verb production and poor non-finite verb production. In the spontaneous speech of brain-damaged individuals, modal verbs are not used at all, and the number of non-finite verb forms is significantly lower than those of non-brain-damaged participants. The impairment explained by complexity of neurocognitive mechanism of their usage.

Key words: aphasia, verb, modal verbs, the participle, the gerund, speech production.